

Культурфилософский смысл мотива одиночества: личность и творчество И.С. Тургенева*

Т.С. Злотникова

Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-96-108

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье поставлена малоизученная, но довольно актуальная проблема одиночества выдающейся творческой личности как следствия стереотипного понимания обществом его произведений и деятельности. Культурфилософский смысл мотива одиночества у Ивана Сергеевича Тургенева связан с тем, что это был одинокий творец, воспринятый русскими критиками и историками литературы (В. Белинский, Д. Мережковский, В. Розанов) лишь в контексте деятельности других, признанных великими, писателей – А. Пушкина, Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова. Проблема одиночества выявлена в статье через парадоксальную постановку И.С. Тургеневым в сочинении «Гамлет и Дон Кихот» вопроса о странных одиночках и агрессивной толпе. Критический дискурс творческой деятельности и личности И.С. Тургенева актуализирован через оппозицию «русский – европеец», «классик (гений) – обычный писатель». Одиночество И.С. Тургенева представлено как отторжение нормального и понятного среди странных и непонимаемых. При обсуждении русских классиков в отечественной критической и историко-культурной традиции было сформировано привычное восприятие (Н. Бердяев, Д. Андреев, В. Набоков): И.С. Тургенев – очевидно автор не русский (что возможно, ибо уж очень европеец, в отличие от самих Н. Бердяева или В. Набокова), но он к тому же и не классик (если считать, что классик иррационален, а И.С. Тургенев – понятен).

Ключевые слова: Тургенев, культурфилософский смысл, творчество, одиночество, контекст, дискурс, Россия, Европа.

Злотникова Татьяна Семеновна – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры культурологии, научный руководитель Националь-

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда «Текст и контекст массовой культуры: российский дискурс», грант № 14-18-01833.

ного исследовательского центра Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского.

zlotnts@rambler.ru

<http://orcid.org/0000-0003-3481-0127>

Цитирование: Злотникова Т.С. (2018) Культурфилософский смысл мотива одиночества: личность и творчество И.С. Тургенева // Фило-софские науки. 2018. № 7. С. 96–108.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-96-108

The Cultural and Philosophical Meaning of the Motif of Loneliness: The Personality and Creative Work of I.S. Turgenev*

T.S. Zlotnikova

*K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl,
Russia*

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-96-108

Original research paper

Summary

The article deals with the little-studied but actual problem of loneliness of an outstanding creative personality as a consequence of stereotypical understanding of his works and activity. The cultural and philosophical meaning of Ivan Turgenev's motif of loneliness is that he was a lone creator, recognized by Russian critics and historians of literature (V. Belinsky, D. Merezhkovsky, V. Rozanov) only in the context of the activities of other recognized great writers: Pushkin, Gogol, Dostoevsky, Tolstoy, Chekhov. The problem of loneliness is revealed through the paradoxical statement by Turgenev (in the essay "Hamlet and Don Quixote") on the question about strange loners and aggressive crowd. The paper presents the loneliness of I.S. Turgenev as a rejection of the understandable and normality among the non-understandable and weirdness. In Russian literary critical and historico-cultural tradition, during the discussion of Russian classics, the general opinion (N. Berdyaev, D. Andreev, V. Nabokov) has been formed: Turgenev is apparently non-Russian author (because he is very European unlike N. Berdyaev and V. Nabokov themselves), moreover he is not a classic

* The article is prepared in the framework of the Russian Science Foundation project "Text and Context of the Popular Culture: Russian Discourse," grant no. 14-18-01833.

writer indeed (if you count that a classic writer should be irrational, when Turgenev is understandable).

Keywords: Turgenev, cultural and philosophical meaning, creativity, loneliness, context, discourse, Russia, Europe.

Tatiana Zlotnikova – D. Sc. in Art History, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Cultural Studies, Scientific Supervisor of the National Research Center at the K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University.

zlotnts@rambler.ru

<http://orcid.org/0000-0003-3481-0127>

Citation: Zlotnikova T.S. (2018) The Cultural and Philosophical Meaning of the Motif of Loneliness: The Personality and Creative Work of I.S. Turgenev. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 7, pp. 96–108.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-96-108

Введение

По представлениям, закрепившимся в российском массовом сознании, Тургенев – едва ли не самый «гармоничный» и «спокойный» русский классик. Однако эти представления – свидетельство не просто неосведомленности публики, но непонимания ею (как, впрочем, и современниками Тургенева – критиками, писателями, публикой) и равнодушного (хорошо, что не всегда агрессивного) неприятия, частичного или полного отторжения. Мы попытались представить противоположную хрестоматийной точку зрения, доказательства уникальности творца, обреченного именно в силу этого на одиночество, прежде всего, на родине – в России.

Постановка проблемы.

Одиночество – метафора и значимый мотив творчества Тургенева

Обратимся к уникальному сочинению, не имеющему точного жанрового определения («речь» вряд ли может считаться жанром), «Гамлет и Дон Кихот», которое многое объясняет или подкрепляет в других произведениях Тургенева, давая основания предположить, что его одиночество как обыденной личности и как творца – это было вселенское и им самим последовательно сформированное состояние и местоположение в мире, который он видел сквозь призму не крестьян из провинциальных усадеб, не студентов университета, не завсегдатаев салонов и не жур-

нальных критиков, а сквозь призму вечных образов, не только познанных им, но и составивших пару коренных направлений «человеческого духа» [Тургенев 1964, 192]. Пара было неожиданной, но выбранной четко и убедительно: вера Дон Кихота – и эгоизм, «а потому безверье» Гамлета [Тургенев 1964, 171–172]; энтузиазм – и ирония; «принцип преданности и жертвы» – и «выражение коренной центростремительной силы природы»; дух «южного человека», «светлый, веселый, наивный, восприимчивый» – и «дух северного человека, дух рефлексии и анализа»; чувство долга – и чувство изящного. Развивая характеристику дихотомически проявленных признаков в паре, Тургенев видит в испанском одинокке «склонность к полусознательному, полуневинному обману, самообольщению», в английском же – коварство и жестокость; в Дон Кихоте – новаторство («находят»), в Гамлете – рутинерство («разрабатывают»), рассматривая их как честного скептика и стоика [Тургенев 1964, 191].

В соответствии с романтической традицией, Тургенев не только нашел двух предельно одиноких и выразивших дух каждого, а не только своего времени, персон. Он сформировал названную пару по принципу контраста, столь характерному и мало кем реализуемому в его чистоте и определенности. Но если в философско-эстетическом открытии «парности» Гамлета и Дон Кихота, при всей тонкости и оригинальности этого сопоставления, Тургенев был человеком своего времени (1859), испытавшим в молодости влияние первых, романтических постановок «Гамлета», переводившим романтические произведения Байрона и Гёте, то в постановке центральной социокультурной проблемы своего текста писатель невероятно опередил и время, и мысли современников, уподобившись, разве что, своему кумиру Пушкину с его мыслью о слепоте и агрессивности «черни» (которой «живая власть» ненавистна).

Иван Тургенев – дворянин, помещик, поучившийся в Московском и Санкт-Петербургском университетах, поживший в молодости в Германии и Италии, затем в Германии и Франции, высланный в имение и обосновавшийся между Россией и Европой, гулявший с ружьем по российским полям-лесам и дискутировавший с революционно настроенными писателями, применительно к двум нерусским, отдающим вечностью литературным персонажам употребляет неожиданные слова. Опережая знаменитого французского психолога Г. Лебона, который уже

после смерти Тургенева опубликовал свои работы о психологии толпы и психологии масс, Тургенев вплетает в рассуждения об одиноких Гамлете и Дон Кихоте новаторский мотив «толпы, так называемой людской массы». Видимо, глядя и на Россию, и на Европу в каждом случае с разных, но с «других берегов», он прозревает актуальную для XX в. проблему массового сознания как рутинного и агрессивного, клишированного и жадного до новизны. Он пишет об одиночках, а идентифицирует людей толпы – прямо так и называет Полония по отношению к Гамлету и Санчо Пансу по отношению к Дон Кихоту: «представитель массы», относя к Полонию слова, совершенно свойственные более позднему, этак на 100–150 лет, пониманию человеческих характеров и функций – «отличный администратор». Оценка Гамлета трагична и одновременно иронична: «Гамлеты точно бесполезны массе», «Гамлеты презируют толпу», причем остается вопрос: «Стоит ли заниматься массой?» Поразительные по точности и задолго до иных, собственно научно-психологических или социологических трудов суждения насыщают текст Тургенева, придавая ему совершенно иное качество, чем было принято считать: «и скучно, и грустно» было Тургеневу не в вакууме, а именно в окружении толпы, с ее способностью «счастливого и честного ослепления», с ее привычкой идти, «беззаветно веруя, за теми личностями, над которыми она сама глумилась, которых даже проклинала и преследовала».

Разработка проблематики. Имплицитное присутствие мотива одиночества в критической рефлексии Тургенева

Прежде всего, обращают на себя внимание те критики, в том числе философы, а не просто «записные» журналисты, которые в принципе обходили фигуру Тургенева в ходе обсуждения проблематики русской культуры, или обращались к его фигуре бегло, в значительной степени формально, в лучшем случае контекстуально.

Взгляд на русскую литературу «без Тургенева» находим, к примеру, у Н. Бердяева: среди русских классиков, которые заслужили монографические исследования либо составили сонм писателей, причастных к революционизации российского социума, места Тургеневу не нашлось. Они – Гоголь, Достоевский, Л. Толстой – имеют право на внимание литературно «озабоченного» философа, Тургенев – одиночка – нет. Собирая компанию писателей,

объединенных в работе 1918 г. под характерным названием «Духи русской революции» [Бердяев 1993, 75–107], Бердяев минует фигуры, поступки, настроения Рудина, Инсарова, отмечая, что «в России произошел небывалый по радикализму переворот», и видя в «старой России» Хлестакова, Верховенского и Смердякова. После его фразы: «Великим писателям всегда открывались образы национальной жизни, имеющие значение существенное и непреходящее», – ожидается упоминание таких образов и, пожалуй, самого «нового» – Базарова, но и этого не происходит. Одиночество Тургенева – как отторжение нормального и понятного среди странных и непонимаемых. При обсуждении русских классиков Бердяевым возникает мысль: то ли для него Тургенев не русский (что возможно, ибо уж больно европеец, в отличие от самого Бердяева, который тогда еще не был европейцем), то ли для него Тургенев не классик (если считать, что классик иррационален, а Тургенев – понятен).

Возможно, и не буквально вслед за Бердяевым, но с той же, пусть не высказанной напрямую мыслью о пассионарности или маргинальности, но напрямую сформулированной задачей показать путь формирования русской интеллигенции, написал свою книгу С. Рассадин [Рассадин 1995]. Объясняя свой замысел (набросать «типологию русского характера»), собравший под одной обложкой писателей – от Пушкина (и более ранних, Фонвизина, Крылова, Рылеева) до Чехова, музыкантов (Шляпин), художников (Брюллов), государственных деятелей (Екатерина II), общим числом 27, найдя место и для симулякра Козьмы Пруткова, Тургенева Рассадин в свой комплект не включил, как, впрочем, и Толстого, и Достоевского. То ли – не дворяне (хотя куда уже более дворянин, чем Толстой), то ли – не интеллигенты (хотя куда уж более интеллигент, чем Тургенев), то ли – обладатели чересчур устойчивой репутации, опровержение которой было артикулировано в книге. Контекст «изгнанников» из книги столь же показателен, сколь был бы показателен контекст собранных в ней персон. В обоих случаях Тургенев – иной, очевидно, «неведомый избранник».

Достаточно часто в разное время появлялись работы, где присутствовала модальность, которую можно назвать «Тургенев-контекст».

Для кого-то из критиков, историков литературы, публицистов, философов Тургенев – контекст, но не самостоятельно значимая

фигура. Единственными оказываются другие, а этот – то там, то там, совершенно одиноко и неприкаянно.

Так, у Д. Писарева в знаменитой статье 1864 г. «Реалисты» Тургеневу, как известно, уделяется внимание именно в контексте идейной борьбы, которая особенно интересовала критика. Роман «Отцы и дети» и его персонаж Базаров – это лишь поводы и аргументы в споре с тем, что происходило в журнале «Современник» [Писарев 1940, 40].

По-своему парадоксальными, но также в целом контекстуальными были наблюдения Д.Н. Овсяннико-Куликовского о свободных и несвободных людях, где исследователь едва ли не снисходительно называл Тургенева добрым, гуманным, хорошим человеком «с малым развитием действующей воли», лишенным инициативы и неспособным к деятельности [Овсяннико-Куликовский 1989, 437]. Л. Троцкий [Троцкий 1991] упоминает о Тургеневе между прочим и между делом, в почти случайном контексте, к слову. То появляется перечислительное упоминание не самого Тургенева, а отношения к нему поэта Н. Клюева, который, по словам Троцкого, доволен упразднением барской усадьбы, о которой пусть «плачет Тургенев на полке» [Троцкий 1991, 60], то в иронических репликах об интеллигенции через запятую после Достоевского и Чаадаева упоминается Тургенев, который якобы «утверждал, что у русского человека не только шапка, но и мозги набекрень» [Троцкий 1991, 268]. М. Бахтин [Бахтин 1979], обсуждая диалогичность творчества Достоевского, лишь в скобках упоминает Тургенева с его Базаровым, а авторы примечаний к книге Бахтина, С.С. Аверинцев и С.Г. Бочаров, словно испытывая неловкость по поводу такого беглого и едва ли не случайного упоминания Тургенева, в примечаниях дают цитату из лекций Бахтина, впрочем, без детализированной ссылки. Речь идет о противоречивом отношении Тургенева к Базарову, когда писатель «пасует, виляет и хочет польстить», но в то же время «и ненавидит его» [Бахтин 1979, 405]. Так же и у Д. Андреева в «Розе мира» [Андреев 1989] Тургенев, с одной стороны, вообще исключен автором из круга как гениев (к которым он относит Тютчева, Л. Толстого, Достоевского, Чехова, Мусоргского, Чайковского, Сурикова, Врубеля, Блока), так и талантов, способных поставить «перед сознанием поколений проблемы социального и политического действия» [Андреев 1989, 315] (Герцен, Некрасов, Чернышевский, Писарев, Г. Успенский, Короленко, Михайловский,

Горький). В своем сочинении, написание которого относят к концу 1950-х гг., автор опирался на хрестоматийно известные романы и повести Тургенева и подчеркивал ущербность личной судьбы писателя. Андреева интересуется отсутствующий у Тургенева и вчитанный в его творчество номинативный ряд, состоящий из славянских женских персонажей, при этом он принципиально игнорирует «европейскость» Тургенева. Таким образом, Тургенева контекстуально, но вполне решительно выводят и за рамки гениев или талантов русской культуры, и за рамки европейски сориентированных русских писателей.

По сути дела, для В. Набокова, несмотря на наличие у него отдельного небольшого opus'a, Тургенев также был контекстом, недаром, иронизируя по поводу сходства перечня прозаиков со школьным «выпускным списком», выстраивается компания: «первый – Толстой, второй – Гоголь, третий – Чехов, четвертый – Тургенев» [Набоков 1996, 221], причем Тургенев читается как бы по принуждению или долгу, а Толстой – с удовольствием и восторгом.

Тон повествования В. Набокова о Тургеневе – это выражение обязанности, своего рода повинности; любовь и восхищение адресованы другим. Реплики Набокова в кратком сообщении напоминают фразу чеховского юного драматурга Треплева об именитом беллетристе («Мило, талантливо... но... после Толстого или Зола не захочешь читать Тригорина»). В лекции сказано откровенно: «Он не великий писатель, хотя и очень милый» [Набоков 1996, 143]. Для Набокова лучшие персонажи – это «тургеневские девушки», стихотворения в прозе гурман Набоков сравнивает «с молочными ирисками», а тексты «густой», «размеренной прозы» для него – это другая гастрономическая субстанция: «мед и масло» [Набоков 1996, 145]. Называя Тургенева «единственным Русским Писателем» (именно так, с заглавных букв), Набоков лишь подчеркивает не названное этим словом одиночество писателя, вызванное простой, сугубо внешней причиной: он был единственным русским прозаиком, известным за границей, переведенным на немецкий и французский языки. То есть, не потому известен, что хорош, а потому хорош, что по стечению обстоятельств известен. А в России – и вовсе нелюбим, сделавшись после публикации «Отцов и детей» в массовом сознании «чем-то вроде пугала» [Набоков 1996, 142]. Глядя на русскую литературу с «других берегов», Набоков в полной мере воспроизвел мнения и настроения массовой публики,

не слишком внимательно читавшей тексты и воспользовавшейся привычными клише.

У Ю. Лотмана, несмотря на появление имени Тургенева в обзорных и проблемно организованных материалах [Лотман 2005], очевидна не только дань, отдаваемая по традиции, но и специфический интерес и понимание особого качества текстов Тургенева. Личности он не касается. Имя Тургенева возникает то в связи с описанием жизни крестьянских детей – рядом с именами Некрасова, Толстого, Чехова, то в связи со сгущением исторической правды до «реалистического символа» – рядом с именем Островского, то в связи со сходством «романных сюжетов» – рядом с именем Гончарова, то в связи с явлениями «семейного романа» и «общественного романа» – рядом с именем Достоевского, то в связи с отсутствием интереса к Тургеневу у позднейшего писателя, Бунина, которого классик менее всего «тревожил». Удивительным и оригинальным следует считать суждение Ю. Лотмана, весьма неожиданное по своей лексике и не имевшее места у других авторов в отношении Тургенева: о таком явлении его творчества, как «антимифологическое мышление». Оригинальность и прозорливость взгляда Лотмана заключалась в том, что он обнаруживает у Тургенева еще его собственную мифологию, имевшую три плана: «современно-бытовой», «архетипический» и «космический». Не произнося слова «культурный герой», Лотман, по сути дела, в связи с проблемой демифологизации, решение которой он видел в романах Тургенева, дает возможность говорить об отсутствии внешних, внятных и, между прочим, социально явственных детерминант смерти героев. В этом мы видим подтверждение нашего предположения о том, что смерть персонажей Тургенева происходит от их одиночества (как Лотман пишет, «эффект бессмысленности возникает при взгляде “из другого мира”» [Лотман 2005, 727]).

Странным был написанный В. Розановым через 20 лет после смерти Тургенева некролог, который содержал имплицитное признание одиночества Тургенева [Розанов 1903, web], но речь шла лишь об изящных, не гениальных способностях писателя. Отметим, впрочем, важный в связи с модусом одиночества вопрос – о возрасте Тургенева и его персонажей. Применительно к Тургеневу Розанов называет 60 лет глубокой старостью, самому ему в момент написания статьи было 47 лет. Тургенев же в массовом восприятии, транслированном Розановым, словно бы

сразу и навсегда был седым, старым, мудрым, уравновешенным. Полагаем, что одиночество Тургенева как обыденной персоны и как писателя было связано и с тем, что он словно «выпал» из своего поколения (Лермонтов, родившийся на 4 года раньше, умер молодым, Толстой, родившийся на 10 лет позднее, пережил Тургенева на 27 лет и умер, действительно, в глубокой старости, Достоевский, на 3 года моложе и умерший за 2 года до Тургенева, не воспринимался как человек преклонного возраста). Но и для самого Тургенева как писателя возраст был проблемой: это касалось и женщин, Натальи Петровны («Месяц в деревне»), Надежды Петровны («Вечер в Сорренто», где звучало возмущение тем, что юная девица называет 30-летнюю вдову «тетушкой»), и мужчин («Провинциалка», где 49-летний граф Любин красит волосы, вызывая неловкость у 28-летней героини).

Трудно сказать, чем Тургенев вызвал особый, если не восторг, то пиетет у Д. Мережковского, но по эмоциональной окраске и оценочным репликам видно, что Тургенев для него – не один из многих, не компонент принудительного ассортимента, а явление исключительное [Мережковский 1995]. Мережковский уверенно включал Тургенева в великую плеяду русских писателей (Толстой, Тургенев, Достоевский, Гончаров), упрекая критиков в непонимании, необоснованных нападках и недоразумениях. Человек другого поколения и, что важнее, другой эстетической оптики, Мережковский употребляет в отношении Тургенева слова новые и неожиданные: он называет его «великий русский художник-импрессионист» и говорит, что это «не модный и зато не стареющий» писатель. Решительно сближая Тургенева с Пушкиным, чего не делал никто другой, объявляя обоих гениями меры, а, следовательно, гениями культуры, Мережковский произносит то же, что произносили и до, и после него, но чаще с упреком, тогда как он – с пониманием уникальности миссии: «Гений Западной Европы... Он ей родной. Она почувствовала в нем впервые, что Россия тоже Европа» [Мережковский 1995, 475]. Одиноким в России, этот человек, по крайней мере, оказывается причастным к европейским ценностям. Именно этим Мережковский отвечает предполагаемым оппонентам, упрекающим Тургенева в том, что он, всего через 90 лет после рождения, устарел (статья написана в 1909 г.).

Наконец, эпизодами интеллектуальных прозрений отмечены суждения В. Белинского, которого в этой прозорливости не уда-

лось превзойти и впоследствии. Уникальное свойство критика проявилось в том, что он не одно литературное и театральное имя открыл или поставил в неожиданный и прозорливо определенный ряд. Так, Белинский видел заслуги Тургенева как переводчика европейских классиков, упоминая переводы «Фауста», другие переводы Гёте и Байрона, он прозрел в Тургеневе «русского европейца» значительно раньше того, как тот стал замечен и признан в Европе или поселился там.

Известный прозорливой независимостью своих аналитических суждений, Белинский и у Тургенева, опубликовавшего в 1843 г. под псевдонимом поэму «Параша», находит неожиданные и тонкие достоинства. Более того, субъективный, подчас категоричный и восторженный, Белинский искренне симпатизировал Тургеневу, поэтому уверенно включал его не только в круг русских писателей начала 1840-х гг., но и в пушкинско-лермонтовский контекст.

Существенным представляется то, что как раз в год появления драматургических опытов одинокого и мало признанного в своей драматургической гениальности Тургенева именно и только Белинский заметил первую, весьма несовершенную пьесу Тургенева из испанской жизни «Неосторожность», причем об этой пьесе сегодня никто представления не имеет, да и прежде не имел. В этом же 1843 г. он заметил поэму «Параша», также мало известную сегодня кому-либо, кроме немногих специалистов-филологов, а потом не раз мысленно возвращался к этому сочинению. Множество тонких наблюдений, например, относительно «довольных собой» персонажей, вывели Белинского на прозорливое суждение о том, что поэма «обличает в авторе не только творческий талант, но и зрелость и силу таланта, умеющего владеть своим предметом» [Белинский 1948, Т. 2, 569]. И еще более существенно проявилась прозорливость Белинского в отношении 29-летнего Тургенева в связи с его процитированной огромным куском на нескольких страницах собственного текста поэмой «Помещик», которая позволила Белинскому поставить это сочинение в один ряд с «Домиком в Коломне» и «Графом Нулиным», без сомнения сопоставляя молодого автора с ушедшим из жизни Пушкиным: «Стих легок, поэтичен, блещет эпиграммою», а сочинение в целом – неподражаемо [Белинский 1948, Т. 3, 86].

Тем не менее в целом Тургенев даже у Белинского, первого – как по времени его высказываний, так и по значимости – критика часто был лишь поводом (хотя речь идет уже о «Записках охотника»),

аргументом в споре (в отношении славянофильских тенденций в литературе), ветвью на дереве...

Резюме о культурфилософском смысле одиночества Тургенева

Иностранец в России – чужд и потому одинок; русский за рубежом – тоже чужд и тоже одинок. Светский человек в деревне – чужд и одинок. Любитель охоты с ружьем и патронташем в столичном салоне – чужд и одинок. Впрочем, чуждость и вытекающее из нее одиночество – едва ли не генетически закрепленное состояние русского интеллектуала, к какой бы социальной группе он ни принадлежал.

Одиночество – это модус и модальность, концепт и, разумеется, состояние. Причем, русское слово, начинающееся с приставки «со-», предполагающей взаимодействие, причастность, близость, в случае с одиночеством получает парадоксальное – противоположное значение. Ибо одиночество не должно быть Состоянием, и, напротив, Состояние не может проявляться в одиночестве.

Тем не менее, одиночество – это не только мотив творчества и признак жизни персонажей. Одиночество – это характеристика Тургенева как творческой личности, который был одиноким автором, поскольку его знали (и знают) неполно, неотчетливо, без понимания нюансов, жанровой специфики его текстов, времени и условий его жизни. Одиночество – экзистенциальная проблема, которая именно так предстает в сочинении «Гамлет и Дон Кихот» и в стихотворении в прозе «Порог», где совершившему выбор человеку адресуются диаметрально противоположные оценки – восхищенная и уничижительная.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Андреев 1989 – *Андреев Д.Л.* Русские боги: Стихотворения и поэмы. – М.: Современник, 1989.

Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.

Белинский 1948 – *Белинский В.Г.* Собр. соч. В 3 т. – М.: ОГИЗ Гослитиздат, 1948.

Бердяев 1993 – *Бердяев Н.А.* О русских классиках / сост. и коммент. А.С. Гришина. – М.: Высш. шк., 1993.

Лотман 2005 – *Лотман Ю.М.* О русской литературе. – СПб.: Искусство-СПб, 2005.

Мережковский 1995 – *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. – М.: Республика, 1995.

Набоков 1996 – *Набоков В.В.* Лекции по русской литературе. – М.: Независимая газета, 1996.

Овсяннико-Куликовский 1989 – *Овсяннико-Куликовский Д.Н.* Литературно-критические работы. В 2 т. Т. 1. Статьи по теории литературы; Гоголь; Пушкин; Тургенев; Чехов. – М.: Художественная литература, 1989.

Писарев 1940 – *Писарев Д.И.* Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1940.

Рассадин 1995 – *Рассадин С.Б.* Русские, или Из дворян в интеллигенты. – М.: Книжный сад, 1995.

Розанов 1903, web – *Розанов В.В.* Ив.С. Тургенев (к 20-летию его смерти) // Новое время. 1903. 22 августа. № 9865. URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_iv_s_turgenev.html

Троцкий 1991 – *Троцкий Л.Д.* Литература и революция. – М.: Политиздат, 1991.

Тургенев 1964 – *Тургенев И.С.* Гамлет и Дон Кихот // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем. В 28 т. Т. 8. – М.; Л.: Наука, 1964.

REFERENCES

Andreev D.L. (1989) *Russian Gods: Poems and Poems*. Moscow: Sovremennik (in Russian).

Bakhtin M.M. (1979) *Aesthetics of Verbal Art*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Belinsky V.G. (1948) *Works in 3 Vol.* Moscow: OGIZ Goslitizdat (in Russian).

Berdyayev N.A. (1993) *About Russian Classics*. Moscow: Vysshaya Shkola (in Russian).

Lotman Yu.M. (2005) *About Russian Literature*. Saint Petersburg: Iskusstvo (in Russian).

Merezhkovsky D.S. (1995) *L. Tolstoy and Dostoyevsky. Eternal Companion*. Moscow: Respublika (in Russian).

Nabokov V.V. (1996) *Lectures on Russian Literature*. Moscow: Nezavisimaya Gazeta (in Russian).

Ovsyaniko-Kulikovskii D.N. (1989) Articles on the Theory of Literature; Gogol; Pushkin; Turgenev; Chekhov. In: *Literary-Critical Works*. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura (in Russian).

Pisarev D.I. (1940) *Literary-Critical Articles*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura (in Russian).

Rassadin S.B. (1995) *Russian, or from the Nobility to the Intelligentsia*. Moscow: Knizhny Sad (in Russian).

Rozanov V.V. (1903) Turgenev I.S. (On the 20th Anniversary of His Death). *Novoe Vremya*. 1903. No. 9865. Available at: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_iv_s_turgenev.html (in Russian).

Trotsky L.D. (1991) *Literature and Revolution*. Moscow: Politizdat (in Russian).

Turgenev I.S. (1964) Hamlet and don Quijote. In: Turgenev I.S. *Works and Letters*. In 28 Volumes. Vol. 8. Moscow: Nauka (in Russian).